

УДК 159.9

Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход

Т. П. Емельянова, А. В. Мишарина

Емельянова Татьяна Петровна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, t_emelyanova@inbox.ru

Мишарина Анна Владимировна, кандидат психологических наук, руководитель отдела развития, ООО «Курапрокс», Москва, putkins@mail.ru

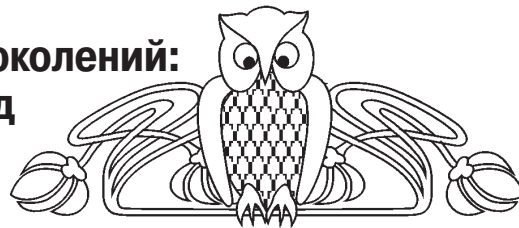
Цель исследования, представленного в статье, состоит в изучении особенностей коллективной памяти четырех поколений россиян применительно к современной ситуации в стране. Предположительно поколения «бэби-бумеров», X, Y и Z по-разному оценивают разные периоды истории России как возможные образцы для настоящего, а с определенной модальностью образов коллективной памяти будут связаны социально-психологические характеристики поколений. Приведены результаты опроса представителей 4 поколений ($N = 407$): беби-бумеров, X, Y и Z. Показано, что выбор образцовых для современной России периодов истории отличается большим разнообразием и специфичен для поколенческих когорт (по критерию Краскела – Уоллиса ($p = 0,01$)). Для респондентов поколения беби-бумеров ближе всего к образцовому периоду преобразований времен Петра I, для поколения X – брежневский период и хрущевская оттепель. Поколение Y дает более высокую оценку перестройке и сталинскому периоду, а поколение Z – большевицкой революции, перестройке и правлению Ельцина. Выделены группы респондентов по модальности их оценки разных периодов в истории России: сторонники европейского пути – наиболее объемная по численному составу (52% всей выборки), сторонники либерализации (10,6%), адепты тоталитаризма (9,3%), приверженцы политической трансформации (5,2%) и неопределившиеся (23%). Представителям каждой из этих групп присущи определенные социально-психологические особенности. В первой группе отмечаются критическое отношение к авторитетам, скептицизм в отношении служения людям и обществу; во второй – высокие показатели социального цинизма и низкое значение толерантности к неопределенности; в третьей – слабая вовлеченность в происходящее, неверие в собственные силы и стремление оставаться в безопасности, а также слабая толерантность к неопределенности; четвертую группу отличают более успешное совладание со стрессом, психическое и соматическое здоровье, субъективное благополучие и успешность в деятельности. Выявленный социально-психологический статус названных групп может быть предиктором их актуальных политических симпатий и возможного направления социальной активности.

Ключевые слова: коллективная память, ответственность, социальные аксиомы, толерантность к неопределенности, психология поколений.

Поступила в редакцию: 15.08.2019 / Принята: 13.09.2019 / Опубликована: 30.11.2019

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340>

Введение

Вопросы о месте коллективной памяти в ряду других компонентов ментальности больших групп, о ее зависимости от ценностей культуры [1], воздействии на построение образа будущего [2, 3], на социально-психологические свойства личности и групп [4, 5], о связи ее содержания с актуальными для общества политическими антиномиями [6] и другие, не менее насущные, активно изучаются в последние годы социальными психологами. Понятие коллективной памяти, введенное в начале XX века Морисом Хальбваксом [7, 8] и получившее распространение лишь к концу века [1, 5, 9], в современном научном мире становится все более востребованным [6, 10–12]. В настоящей работе будет продолжена линия исследований, посвященных поколенческому анализу коллективной памяти. Психологический анализ поколений проводится в гуманитарных науках с разных теоретических позиций. Однако авторы сходятся в том, что представители разных поколений социализировались в специфичных экономико-политических и культурных условиях и имеют особые нравственные ориентиры, социально-психологические характеристики и даже образ жизни [1, 13, 14].

Цель исследования, представленного в статье, состоит в изучении особенностей коллективной памяти представителей четырех поколений россиян применительно к современной ситуации в стране.

Первой гипотезой исследования явилось предположение о том, что поколения беби-бумеров, X, Y и Z по-разному оценивают периоды истории России как возможные образцы для настоящего, причем наиболее значимы эти различия между самым старшим и самым младшим поколениями.

Вторая гипотеза состояла в том, что с определенной модальностью образов коллективной памяти будут связаны такие социально-психологические характеристики, как толерантность к неопределенности, разделяемые социальные аксиомы, общий уровень жизнестойкости и ответственность за происходящее в России.

Процедура и методы

Участники. Общий объем выборки составил $N = 407$ представителей четырех поколений. Группы для изучения были выбраны согласно четырех-

этапной теории поколений Н. Хоува и В. Штрауса в адаптации российских авторов [11]: поколение беби-бумеров (годы рождения 1946–1968; $n = 101$; 49,5% – мужчины, 50,5% – женщины), поколение X (годы рождения 1969–1984; $n = 101$; 34% – мужчины, 66% – женщины), поколение Y (годы рождения 1985–2000; $n = 108$; 38% – мужчины, 62% – женщины) и поколение Z (годы рождения с 2001; $n = 97$; 43% – мужчины, 57% – женщины; возраст 15–17 лет). Средний возраст респондентов во всей выборке составил 35 лет, 40% – мужчины.

Методики. В исследовании использовалась комплексная авторская анкета, в которую был включен: шкальный опросник «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего» Т. П. Емельяновой [2]. Ценностные ориентации изучались с помощью методики «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой [15]. Для выявления базовых представлений о мире была применена методика «Социальные аксиомы (SAS)» М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой [16, 17], «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина и Е. И. Рассказовой [18], методика диагностики толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина и Е. Г. Луковицкой [19], методика «Социальная идентичность» Н. И. Даудрих [20], а также методика «Социальная ответственность» Т. А. Нестика [3]. Для обработки данных использовались факторный анализ, критерий Краскела – Уоллиса, расчет средних величин, расчет процентных соотношений, дискриминантный анализ.

Исследование проводилось с помощью прямого анкетирования, которое осуществлялось посредством заполнения печатных бланков анкет москвичами.

Результаты исследования и их интерпретация

Для определения основных предпочтений относительно исторических периодов в истории России был проведен анализ ответов респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, что из прошлого России могло бы стать образцом для настоящего». Предлагалось оценить по шкале от 1 до 5 девять исторических периодов, среди которых: преобразования времен Петра I, екатерининское время, политика Александра II, большевистская революция, сталинская эпоха, хрущевская оттепель, брежневский период, перестройка, время правления Б. Н. Ельцина.

Стоит отметить, что ни один из предложенных исторических периодов не был единогласно признан респондентами в качестве образца для настоящего. В большей степени к образцу приблизились преобразования времен Петра I – в целом по всей выборке этот период получил средний балл 3,96, что соответствует ответу «вполне мог бы стать образцом для настоящего». Значимых

различий между группами по этому варианту выбора нет – во всех группах респонденты с высокой степенью согласия отмечали петровский период как близкий к образцу для настоящего.

Как можно видеть в табл. 1, высокую оценку получили екатерининское время и период правления Александра II. При этом стоит отметить, что если в оценке екатерининского периода значимых различий между группами нет, то правление Александра II оказывается наиболее близким к идеалу у респондентов поколений Y и Z. Сталинская эпоха, хрущевская оттепель, брежневский период и большевистская революция получили средние баллы между 2,1 и 2,6, что соответствует ответам «скорее нет» и «не уверен». При этом три перечисленных периода вызвали у респондентов наибольшие разногласия – представители разных поколений по-разному оценивают эти события.

Таблица 1 / Table 1

Средние баллы предпочтения исторических периодов по 5-балльной шкале (вся выборка)

Average preference grades of historical periods on a 5-point scale (entire sample)

Исторический период	Средний балл
Преобразования времен Петра I	3,9569
Екатерининское время	3,5108
Период правления Александра II	3,4031
Брежневский период	2,6431
Хрущевская оттепель	2,5662
Сталинская эпоха	2,5613
Большевистская революция	2,1662
Перестройка	2,0708
Правление Ельцина	1,9169

Большевистская революция получила самые низкие баллы у респондентов поколения беби-бумеров и поколения X, а у респондентов поколения Z именно этот период получил наиболее высокую оценку как образец для настоящего. Сталинская эпоха ниже всего оценивается беби-бумерами и выше всего поколением Y. В наименьшей степени, с точки зрения респондентов, эталоном для настоящего могут служить периоды перестройки и правления Ельцина – средний балл по всей выборке находится между ответами «никогда» и «скорее нет». Однако нужно отметить, что периоды перестройки и правления Ельцина получили самую низкую оценку у респондентов поколения беби-бумеров и самую высокую у поколений Y и Z.

Значимые различия по критерию Краскела – Уоллиса ($p = 0,01$) в группах респондентов наблюдаются между оценкой следующих периодов: правления Александра II, большевистской революции, сталинской эпохи, перестройки и правления Ельцина. Для респондентов поколения беби-бумеров, согласно полученным данным,

ближе всего к образцовому находится период преобразований времен Петра I, для поколения X – сразу несколько периодов, между которыми нет выраженных различий (сталинская эпоха, брежневский период, хрущевская оттепель имеют показатели выше остальных). Две группы самых молодых респондентов отдают предпочтение периодам реформ. Поколение Y дает более высокую оценку перестройке и сталинскому периоду, а поколение Z – большевистской революции, перестройке и правлению Ельцина. Первая гипотеза подтвердилась частично.

Результаты исследования коллективной памяти поколения беби-бумеров, полученные нами ранее [2], показали, что респонденты, предпочитающие период правления Петра I, также дают высокую оценку екатерининскому времени, а те, кто высоко оценивает хрущевский период, так же высоко оценивают и период правления Брежнева, что позволило разделить респондентов на группы «модернистов» и «консерваторов». В данном исследовании мы расширили круг респондентов, сгруппировав предпочтения представителей четырех поколений. По результатам проведения факторного анализа ответов респондентов (Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization) удалось выделить четыре фактора, согласно которым были определены четыре основные группы респондентов по их предпочтениям относительно исторических периодов и пятая группа, не обнаружившая явных предпочтений.

В первую группу вошли респонденты с высокой оценкой периодов правления Петра I, Екатерины II и Александра II. Первую группу мы условно назвали «Сторонники европейского пути». Во второй группе оказались респонденты, симпатизирующие периодам перестройки и правления Ельцина – они были названы «Приверженцы политической трансформации». Третья группа респондентов дала наиболее высокую оценку периоду хрущевской оттепели и брежневскому правлению – они были названы «Сторонники либерализации». В четвертую группу вошли те, кто симпатизирует периоду большевистской революции и сталинской эпохе. Мы условно назвали их «Адепты тоталитаризма». Часть респондентов дала одинаково высокие оценки нескольким или всем периодам – их отнесли в группу «Неопределившиеся».

Анализ количественного состава групп показал, что наиболее многочисленна первая группа – «Сторонники европейского пути», включающая 52% всей выборки. Вторая по количеству респондентов – группа «Сторонники либерализации» (10,6%). «Адепты тоталитаризма» составили 9,3% выборки, «Приверженцы трансформации» – лишь 5,2%. 23% были отнесены к группе неопределившихся с предпочтениями в коллективной памяти (табл. 2).

В группе «Сторонники европейского пути» доли респондентов трех поколений (беби-бумеров, X и Z) почти равные. Несколько меньше в этой группе респондентов поколения Y (19%). В то же время представители этого поколения составили большую часть приверженцев трансформации (42,9%). Также в эту группу попало значительное количество респондентов поколения Z (38,1%). Среди сторонников либерализации преобладают респонденты поколения X (44,2%). Отметим, что более трети этих респондентов (35,1%) попало в тип неопределившихся. Среди адептов тоталитаризма, как оказалось, преобладают представители поколения Z (31,6%).

Обнаружено, что в большинстве групп распределение по полу респондентов почти равномерное, лишь группа «Приверженцы трансформации» на 75% представлена женщинами. Женщин в два раза больше, чем мужчин, и среди неопределившихся.

В качестве социально-психологических особенностей членов групп были выбраны такие, как толерантность к неопределенности, социальные аксиомы, общий уровень жизнестойкости, ценностные ориентации и социальная ответственность. На основании результатов дискриминантного анализа было показано, что значимых различий по шкалам методики «Толерантность к неопределенности» не обнаруживается. Однако на уровне тенденции, судя по средним значениям, показатели толерантности к неопределенности ниже в группах «Сторонники либерализации» и «Адепты тоталитаризма». При сравнении четырех групп, выделенных по модальности их оценки разных периодов в истории России, согласно данной методике «Социальные аксиомы», различия были обнаружены по шкале «Социальный цинизм» ($p < 0,1$). По этой шкале самые высокие баллы

Таблица 2 / Table 2

Доля представителей поколений внутри групп предпочтений, %
The proportion of generations' representatives within preference groups, %

Поколение	Группы предпочтений				
	Сторонники европейского пути	Приверженцы трансформации	Сторонники либерализации	Адепты тоталитаризма	Неопределившиеся
Беби-бумеры	28,4	4,8	23,3	18,4	29,8
X	28,4	14,3	44,2	26,3	35,1
Y	19,0	42,9	11,6	23,7	11,7
Z	24,2	38,1	20,9	31,6	23,4

дали «Сторонники либерализации» (средний балл – 3,48) и «Сторонники европейского пути» (средний балл – 3,46). Социальный цинизм в трактовке авторов этого понятия заключается в критическом отношении к разрушительным действиям власти и авторитета, делающим людей равнодушными, считающими бесполезным проявление доброжелательности к другим, благотворительности и вообще служения на пользу обществу [16].

По общему уровню жизнестойкости значимые различия обнаружены не были. На уровне тенденции этот показатель ниже (относительно остальных групп) у группы сторонников либерализации, которая одновременно является и самой возрастной группой. Жизнестойкость – это конструкт, выступающий «предиктором успешного совладания со стрессом, психического и соматического здоровья, субъективного благополучия и успешности в различных областях деятельности» [17, с. 42]. Механизмом функционирования жизнестойкости является использование продуктивного совладания со стрессорами, включающего активные стратегии. Были выявлены значимые различия между исследуемыми группами в субшкалах этой методики. Так, обнаружено, что по субшкалам «Принятие риска» и «Вовлеченность» различия значимы. Принятие риска – это убеждение в том, что любой опыт, даже негативный, ценен сам по себе как возможность чему-то научиться, а следовательно, не стоит бояться возможной неудачи. Вовлеченность – это вера человека в то, что благодаря активному участию в происходящем он может найти в жизни нечто интересное и ценное для себя [17, с. 43]. Показатели по двум этим субшкалам выше всего в группах «Приверженцы политической трансформации» и «Сторонники европейского пути». В наименьшей степени эти показатели выражены у группы «Адепты тоталитаризма» ($p < 0,05$), что свидетельствует о признаках отчуждения (слабой вовлеченности в происходящее, бессилия (неверия в собственные силы) и неуверенности (стремления оставаться в безопасности путем избегания риска, связанного с осуществлением новых возможностей) [17].

Заслуживает внимания также сопоставление оценок представителями выделенных типов по показателям ответственности. Респондентам было предложено оценить, насколько они чувствуют себя ответственными за происходящее в мире, в России, в своем городе и на той улице, где они проживают. Оказалось, что ответственность за происходящее в России больше всего склонны ощущать сторонники европейского пути и адепты тоталитаризма, а показатель группы «Приверженцы политической трансформации» ниже остальных групп ($p < 0,05$). За происходящее в своем городе в наибольшей степени чувствует ответственность группа «Адепты тоталитаризма», а в наименьшей степени – сторонники либерализации ($p < 0,05$). Относительно ответственности за происходящее в мире значимых отличий обнаружено не было.

Не выявлено значимых различий и в структуре ценностей.

Таким образом, на основании модальности оценок разных периодов в истории России были выделены пять групп респондентов. Анализ типичных для их представителей социально-психологических особенностей показывает, что приверженцы разных исторических периодов имеют собственные черты. Тем самым подтвердилась вторая гипотеза. Группа «Сторонники европейского пути», предпочитающая эпохи правления Петра I, Екатерины II и Александра II как образцовые для России, оказалась наиболее объемной по численному составу (52% всей выборки). Именно ей присущи критическое отношение к авторитетам, скептицизм по поводу служения людям и обществу. При этом у них сильнее, чем в других группах, вера в то, что любой опыт, даже негативный, ценен как возможность получить новые знания и отсутствует боязнь неудачи (данные субшкалы «Социальный цинизм» методики «Социальные аксиомы»). Они убеждены в продуктивности активного отношения к жизни и в наибольшей степени, по сравнению с другими, чувствуют ответственность за происходящее в России.

В группе сторонников либерализации (10,6% выборки), считающих образцовыми для России периоды хрущевской оттепели и брежневского правления, преобладают респонденты поколения X, отличающиеся высокими показателями социального цинизма и низкими показателями толерантности к неопределенности.

Обращает на себя внимание группа «Адепты тоталитаризма», назвавшая в качестве образцовых для России периоды большевистской революции и правления Сталина. Сторонники радикальных методов в политике составили 9,3% выборки, среди них почти треть представителей поколения Z (31,6%). У адептов тоталитаризма наблюдаются признаки слабой вовлеченности в происходящее, неверия в собственные силы и стремления оставаться в безопасности путем избегания риска, связанного с осуществлением новых возможностей (по данным теста жизнестойкости). Они также слабо толерантны к неопределенности.

В самой малочисленной группе «Приверженцы политической трансформации» (5,2% всей выборки) большинство составили представители поколения Y, симпатизирующие периодам перестройки и правления президента Ельцина. Их отличают от других групп более успешное совладание со стрессом, психическое и соматическое здоровье, субъективное благополучие и успешность в деятельности. Но при этом они менее всех чувствуют ответственность за происходящее в России.

Выявленный социально-психологический статус названных групп может быть предиктором их актуальных политических симпатий и возможного направления социальной активности.

Заключение

Согласно нашим результатам, более половины всех респондентов видят образцы развития современной России в далеком прошлом, связывая их с реформаторской деятельностью российских монархов и проевропейскими нововведениями. Респонденты с подобными воззрениями чувствуют большую ответственность за происходящее в стране, верят в целесообразность активных действий, но при этом демонстрируют скептицизм относительно идеи служения и критическое отношение к авторитетам. Эта группа большинства относительно равномерно представлена респондентами из разных поколений.

Анализ предпочтений исторических периодов при сравнении поколений обнаруживает значительные расхождения: если старшее поколение (представители беби-бумеров) считает образцовым для современной России период преобразований времен Петра I, то младшие поколения выбирают другие образцы – они отдают предпочтение периодам радикальных и жестких перемен. Поколение Y наиболее высоко оценивает перестройку и сталинский период, а поколение Z – большевистскую революцию, перестройку и правление Ельцина. Но именно эти периоды вызывают негативизм у беби-бумеров и респондентов поколения X. Как радикализм молодых, так и умеренный прогрессизм старших могут быть объяснены условиями их политической и культурной социализации, возрастными особенностями, статусом в обществе и другими обстоятельствами. Озабоченность вызывает лишь столь резкий контраст во взглядах на прошлое в связи с настоящим и возможные межпоколенческие ментальные барьеры, порождаемые таким контрастом.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00854).

Библиографический список

1. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
2. Емельянова Т. П., Белых Т. В., Шабанова В. Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «беби-бумеров» // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 75–85. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-75-85
3. Нестик Т. А., Дробышева Т. В., Емельянова Т. П., Писаренко П. Ю. Коллективная память и образ будущего: межпоколенные различия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 783–790.
4. Верч Дж. Коллективная память // Междисциплинарные исследования памяти / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 33–46.
5. Gaskell G. Group differences in memory for a political event // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1997. P. 175–189.
6. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
7. Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1950. 204 p.
8. Marcel J.-Ch. Un fondement du lien social: la mémoire collective selon Maurice Halbwachs // Technologies. Idéologies. Pratiques. Revue d'anthropologie des connaissances. 1999. Т. 13, no. 2. P. 63–88.
9. Bartlett F. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: CUP, 1932. 317 p.
10. Liu J. H., Hilton D. J. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // British Journal of Social Psychology. 2005. Vol. 44, no. 4. P. 537–556.
11. Paez D., Borovic M., De Guismé L., Liu J., Licata L. Mémoire collective et représentations sociales de l'histoire // Les représentations sociales. Théorie, méthodes, et applications / Coordonné par G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 539–552.
12. Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation // The Cambridge Handbook of Social Representations / Ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CAP, 2015. P. 143–162.
13. Рикель А. М., Тычинина М. И. Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 51. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.07.2019).
14. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
15. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом «БАХ-РАХ», 2001. 128 с.
16. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 4. С. 135–143.
17. Leung K., Bond M. H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // Advances in Experimental Social Psychology. 2004. № 36. P. 119–197.
18. Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики

ки и применение в организационном контексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14 Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

19. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагно-

стика толерантности к неопределенности Д. Маклейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.

20. Давудрих Н. И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология. 2000. № 12. С. 77–95.

Образец для цитирования:

Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 4 (32). С. 334–340. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340>

Differences in Generations' Collective Memory: a Socio-Psychological Approach

Tatiana P. Emelyanova, Anna V. Misharina

Tatiana P. Emelyanova, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia, t_emelyanova@inbox.ru

Anna V. Misharina, Ltd "Curaprox", 7/2 Bolshoi Kozikhinskiy Pereulok, Moscow 123104, Russia, nutkins@mail.ru

The purpose of the study presented in the article is to investigate the collective memory features of four generations of Russians in relation to the current situation in the country. Presumably, the generations of baby-boomers, X, Y, and Z, differently assess Russian history periods and view them as possible models for the present, while socio-psychological characteristics of generations are associated with a certain modality of collective memory images. The article presents the results of a survey, which involved representatives of 4 generations (N = 407): baby boomers and generations X, Y, and Z. It is shown that the choice of exemplary periods for modern Russia history is very diverse and specific to generational cohorts (according to the Kruskal–Wallis H test ($p = 0.01$)). For the baby boomer generation respondents, the period of Peter the Great's transformation is the closest to the exemplary period, while for generation X, it is the Brezhnev period and the Khrushchev's thaw. Generation Y rates perestroika and the Stalin period higher, while generation Z rates the Russian Revolution, perestroika and Yeltsin period higher. We distinguished groups of respondents by the modality of their assessments of different periods in the Russian history: "Supporters of the European Path" – the most numerous group (52% of the entire sample), "Supporters of liberalization" (10.6%), "Adherents of totalitarianism" (9.3%), "Adherents of Political Transformation" (5.2%) and the "Undecided" (23%). Representatives of each of these groups have certain socio-psychological characteristics. The first group shows critical attitude towards the authorities, skepticism about serving people and society; the second one shows high indicators of social cynicism and low values of tolerance of uncertainty; the third one shows weak involvement in current developments, lack of faith in their own strengths and the desire to remain safe, as well as weak tolerance of uncertainty; the fourth group is characterized by more successful coping with stress, mental and somatic health, subjective well-being and success in activities. The revealed socio-psychological status of these groups may act as a predictor of their current political sympathies and a possible direction of social activity.

Keywords: collective memory, responsibility, social axioms, tolerance of uncertainty, generational psychology.

Received: 15.08.2019 / Accepted: 13.09.2019 / Published: 30.11.2019

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

Acknowledgments: This work was supported the funded by Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-06-00854).

References

1. Shuman G., Skott Zh. Collective Memory of Generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1992, no. 2, pp. 47–60 (in Russian, trans. from English).
2. Emel'yanova T. P., Belykh T. V., Shabanova V. N. Images of Past, Present and Future by Representatives of «Baby Boomers» Generation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 3. pp. 75–85 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-75-85
3. Nestik T. A., Drobysheva T. V., Emel'yanova T. P., Pisenko P. Yu. Collective Memory and Image of Future: Intergenerational Differences. In: *Psikhologiya cheloveka kak sub'yekta poznaniya, obscheniya i deyatel'nosti* [Human Psychology as Subject of Cognition, Communication and Activity], By ed. V. V. Znakov, A. L. Zhuravlev. Moscow, Psychology Institute RAS Publ., 2018. pp. 783–790 (in Russian).
4. Verch Dzh. Kollektivnaya pamyat' [Collective Memory]. In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya pamyati* [Interdisciplinary Memory Studies]. Ed. by A. L. Zhuravlev, N. N. Korzh. Moscow, Psychology Institute RAS Publ., 2009, pp. 33–46 (in Russian, trans. from English).
5. Gaskell G. Group differences in memory for a political event. In: *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, New Jersey, Erlbaum, 1997, p. 175–189.
6. Emel'yanova T. P. *Kollektivnaya pamyat' o sobyitiyakh otechestvennoy istorii: sotsial'no-psikhologicheskiy podkhod* [Collective Memory of Events of National History: Socio-Psychological Approach]. Moscow, Psychology Institute RAS Publ., 2019. 299 p. (in Russian).
7. Halbwachs M. *La Mémoire collective*. Paris, PUF. 1950. 204 p. (in French).
8. Marcel J.-Ch. Un fondement du lien social: la mémoire collective selon Maurice Halbwachs. *Technologies. Idéologies. Pratiques. Revue d'anthropologie des connaissances*, 1999, vol. 13, no. 2. pp. 63–88 (in French).
9. Bartlett F. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge: CUP. 1932. 317 p.
10. Liu J. H., Hilton D. J. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in iden-

- tity politics. *British Journal of Social Psychology*, 2005, vol. 44, no. 4, pp. 537–556.
11. Paez D., Borovic M., De Guismé L., Liu J., Licata L. Mémoire collective et représentations sociales de l’Histoire. *Les représentations sociales. Théorie, méthodes, et applications*. Coordonné par G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. 2016, pp. 539–552 (in French).
  12. Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation. In: *The Cambridge Handbook of Social Representations*. G. Sammut et al. Cambridge. 2015. P. 143–162.
  13. Rikel’ A. M., Tychinina M. I. Intergenerational Differences of Strategies of Interpersonal Relationships. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2017, vol. 10, no. 51, p. 9. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 15 July 2019) (in Russian).
  14. Shamis E., Antipov A. Generation Theory. *Marketing. Menedzhment* [Marketing. Management], 2007, no. 6, pp. 42–46 (in Russian).
  15. Fantalova E. B. *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnosis and Psychotherapy of Internal Conflict]. Samara : BAKHRAKH Bn., 2001. 128 p. (in Russian).
  16. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Study of Social Axioms: Structure and Relationships with Russians’ Socio-Economic Attitudes. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2008, vol. 5, no. 4, pp. 135–143 (in Russian).
  17. Leung K., Bond M. H. Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2004, no. 36, pp. 119–197.
  18. Osin E. N., Rasskazova E. I. Resilience Test Short: Psychometric Characteristics and Application in Organizational Context. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2013, no. 2, pp. 147–165 (in Russian).
  19. Leont’ev D. A., Osin E. N., Lukovitskaya E. G. *Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti D. McLain* [Diagnosis of Tolerance to Uncertainty by D. McLain]. Moscow, Smysl Publ., 2016. 60 p. (in Russian).
  20. Daudrikh N. I. Social Identity: Methodical Aspect. *Sotsiologiya* [Sociology], 2000, no. 12, pp. 77–95 (in Russian).

Cite this article as:

Tatiana P. Emelyanova, Anna V. Misharina. Differences in Generations’ Collective Memory: a Socio-Psychological Approach. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 4 (32), pp. 334–340 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-334-340>
